

Абазов А. Х. Осетино-ингушский смешанный суд присяжных : институционализация народного правосудия в политико-правовом пространстве Российской империи / А. Х. Абазов, Р. М. Жиров, А. А. Жугов // Научный диалог. — 2019. — № 2. — С. 159—173. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-159-173.

Abazov, A. Kh., Zhirov, R. M., Zhugov, A. A. (2019). Ossetian-Ingush Mixed Jury Trial: Institutionalization of People's Justice in Political and Legal Space of the Russian Empire. *Nauchnyi dialog*, 2: 159-173. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-159-173. (In Russ.).

УДК 94(47).083:343.195(470.65)“1908/1910”

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-159-173

Осетино-ингушский смешанный суд присяжных: институционализация народного правосудия в политико-правовом пространстве Российской империи

© **Абазов Алексей Хасанович (2019)**, orcid.org/0000-0003-4004-7009, SPIN-code 8002-5155, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований — филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федерального научного центра «Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук» (Нальчик, Россия), alex_abazov@list.ru.

© **Жиров Руслан Михайлович (2019)**, orcid.org/0000-0002-8384-0747, SPIN-code 4478-8664, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Института права, экономики и финансов, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова» (Нальчик, Россия), dzhir-ruslan@mail.ru.

© **Жугов Азамат Аскерович (2019)**, orcid.org/0000-0003-3333-3963, SPIN-code 8620-4421, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и предпринимательского права Института права, экономики и финансов, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова» (Нальчик, Россия), zhugov@mail.ru.

Анализируются особенности институционализации народного правосудия осетин и ингушей в условиях их инкорпорации в политико-правовое пространство Российской империи на примере смешанного суда присяжных, существовавшего в 1908—1910 г. Рассматривается место смешанного суда присяжных в судебной системе Терской области в начале XX века, в рамках которой функционировали как формальные (государственные), так и неформальные (народные) учреждения. Охарактеризованы такие применявшиеся в практике суда традиционные институты соционормативной культуры осетин и ингушей, как материальные компенсации

за убийства («плата за кровь»), причинение ран и телесных повреждений, кражи. Подробно проанализированы круговая порука как основная мера ответственности за нарушение принципов социальной справедливости, а также клятвы, присяги и показания свидетелей в качестве форм доказательства виновности / невиновности ответчика. Изучены принципы формирования и пополнения народных касс, из которых выплачивались материальные компенсации потерпевшей стороне по решению смешанного суда. Сделан вывод, что рецепция обычаев и традиций осетин и ингушей путем закрепления их народной воли в российских нормативно-правовых актах, регламентировавших деятельность смешанного суда, сохраняла функциональную значимость народного правосудия и закладывала основу для формирования в последующем российского гражданского самосознания.

Ключевые слова: Российская империя; Терская область; осетины; ингуши; народное правосудие; судебная система; смешанный суд присяжных; обычное право; социальные нормы; традиционные общественные институты.

1. Введение

Проблема институционализации традиционного правосудия народов Центрального Кавказа в условиях их инкорпорации в политико-правовое пространство Российской империи в конце XIX — начале XX веков вызывает большой научный интерес, так как создает фундамент для применения основанных на исторических примирительных практиках институтов медиации в настоящее время. Ее разработка, во-первых, дает богатый материал для осмысления способов формирования и развития социальных регуляторов в меняющихся обществах под влиянием эндогенных и экзогенных факторов; во-вторых, на фоне постоянного повышения общественного интереса ко всему происходящему на Кавказе позволяет наметить один из путей нивелирования причин межэтнических конфликтов; в-третьих, дает возможность глубже изучить формы и пределы влияния государства на народное правосудие в исторической ретроспективе. Решению этой проблемы во многом способствует исследование деятельности осетино-ингушского смешанного суда присяжных в 1908—1910 годах.

В начале XX века в Терской области правосудие отправляли как официальные (государственные, формальные, организованные), так и неофициальные (народные, неформальные, стихийные) учреждения. Высшей инстанцией созданной государством судебной системы в регионе являлся Владикавказский окружной суд. В рамках этой системы функционировали горские словесные суды, мировые суды и съезды мировых судей (1870—1889), сельские (аульные), слободские и станичные суды. Эта система начала складываться еще в начале 70-х годов XIX века, когда в регионе стали проводиться мероприятия, направленные на реализацию судебной реформы 1864 года.

Неформальный уровень системы правосудия Терской области составляли народные (медиаторские, посреднические, третейские) суды. Раз-

бирательства в них назначались по мере возникновения необходимости рассмотрения дел по нормам обычного права или шариата. Они функционировали в тех пределах, в которых это не противоречило российскому правопорядку. Однако их повышенная популярность среди местного населения в то время вызывала необходимость у представителей власти выработать формы контроля за их деятельностью. В числе предпринятых властями для этого мер были: право сторон процесса подавать апелляции на решения народных судов в официальные; право официальных судов направлять на разбирательство в народные сложные дела; возможность судей выступать в качестве медиаторов и т. п. Все это привело к тому, что в начале XX века в некоторых округах Терской области властями стали предприниматься попытки институционализации народного правосудия. Так были учреждены: Осетино-ингушский смешанный суд присяжных, смешанные суды для разбора споров между казаками Кизлярского отдела и горцев Веденского округа, народно-примирительные суды горцев Грозненского и Веденского округов и проживавших на смежных с ними территориях терских казаков и т. п.

2. Место осетино-ингушского смешанного суда присяжных в судебной системе Терской области

В современной историографии осетино-ингушский смешанный суд присяжных не получил комплексного исследования. Отдельные сюжеты его истории затрагивались в работах М. С. Арсанукаевой (роль смешанного суда в условиях введения российской судебно-правовой системы в горских районах Центрального Кавказа) [Арсанукаева, 2009, с. 76—80], М. С.-Г. Албогачиевой (смешанный суд и функционирование медиаторских судов в Ингушетии в условиях соционормативного плюрализма) [Албогачиева, 2009, с. 114—118; Албогачиева, 2011б] и А. Х. Абазова (место смешанных судов в судебной системе Терской области, особенности их правоприменительной практики) [Абазов и др., 2014, с. 34—37; Абазов, 2016; Абазов и др., 2017]. Однако проблема институционализации народного правосудия осетин и ингушей в условиях инкорпорации в политико-правовое пространство Российской империи в начале XX века на материалах этого суда до сих пор не решена. Одним из возможных способов ее решения является исследование механизмов рецепции институтов народного правосудия осетин и ингушей в условиях формирования и развития унифицированной системы регулирования споров и решения конфликтов в регионе. Полагаем, что это, с одной стороны, создавало условия для сохранения традиционных институтов народного правосудия, их модернизации и при-

способления к новой правовой системе, с другой — закладывало основу для трансформации их соционормативной культуры и формирования в последующем российского гражданского самосознания.

В начале XX века власти Терской области усилили контроль за деятельностью медиаторских (третейских, посреднических) судов и стали прорабатывать новые формы применения институтов традиционной соционормативной культуры местных жителей для решения споров и конфликтов. Для этого 12 июня 1907 года на собрании делегатов от осетин и ингушей был учреждён смешанный суд присяжных. Фактически к решению споров и конфликтов суд приступил с начала 1908 года. В его компетенцию входило разбирательство преступлений, по которым личность виновного не удавалось установить, а наказание налагалось на общество того или иного населенного пункта по принципу круговой поруки. Суд решал только те дела, в которых стороны принадлежали к разным народам. К его территориальной подведомственности относились в основном жители селений Ольгинское, Зилгинское, Карджинское, Владимирское, Заманкульское Владикавказского округа и Базоркинское, Барсуковское, Долаковское, Экажево¹ и др. Назрановского округа [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 14, л. 13]. Причем суд рассматривал их исключительно в части назначения размера материальной компенсации [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 3, л. 110 об.]. Решение в смешанном суде принималось простым большинством голосов. При равенстве голосов решающее значение имел голос председателя. Окончательное решение о привлечении к ответственности жителей конкретного селения на основании постановления смешанного суда присяжных принимал начальник Терской области. Если же во время следственных мероприятий личность преступника была установлена, дела изымались из производства смешанного суда и передавались во Владикавказский окружной суд.

Учредительным документом для смешанного суда был Протокол, принятый на собрании представителей осетин и ингушей 12 июня 1907 года. Протокол приобрел юридическую силу после утверждения начальником Терской области в сентябре 1907 года. 1 марта 1909 года во Владикавказе состоялось еще одно собрание представителей от осетинского и ингушского народов, проживавших во Владикавказском и Назрановском округах, на котором были приняты поправки в протокол (далее — Протокол 1909 года) [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 14, л. 12]. Поправки были утверждены начальником области 15 августа 1909 года. Примечательно,

1 Названия населенных пунктов приведены в той форме, в которой они упоминаются в документах Осетино-ингушского смешанного суда присяжных.

что к этому времени в регионе сложилась именно такая форма институционализации «народной воли», когда согласованное мнение народных делегатов подлежало утверждению со стороны высшего начальства. В частности, такая практика к тому времени уже несколько лет применялась в Нальчикском округе Терской области, когда решение главного института самоуправления (Съезда доверенных сельских обществ) становилось обязательным для исполнения после утверждения окружным или областным начальством [Калмыков, 2007; с. 167—172; Прасолов, 2017].

Попытки учреждения подобных судов были предприняты в то время и в других округах Терской области. Однако не везде с их введением согласилось население. Так, например, в 1906 году съезд доверенных сельских обществ, проживавших на территории Нальчикского округа Терской области, провел несколько заседаний по вопросам создания аналогичных органов для решения споров между кабардинцами и балкарцами или между ними и терскими казаками. В качестве возможной модели создания здесь смешанного суда был взят опыт съезда делегатов от горцев и казаков у станции Червленной 1 декабря 1906 года. В приговоре съезда доверенных от кабардинцев и балкарцев было отмечено, что смешанные суды являются для них бесполезными и обременительными [Прасолов, 2018, с. 63]. Более того, в работе Г. А. Ткачева упоминается о разработке «Временного положения о задачах, действии и организации народно-примирительного суда в Терской области» [Ткачев, 1911, с. 127—128] на Терском общеобластном съезде 3—8 апреля 1909 года [Прасолов, 2018, с. 63]. Однако сведений о дальнейшем его применении в практике нами не обнаружено.

3. Особенности организации судопроизводства в осетино-ингушском смешанном суде

Смешанный суд присяжных разбирал дела об убийствах [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 3, л. 110 об.], причинении ран [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 3, л. 39 об.; ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 3, л. 32 об.]; кражах лошадей [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 3, л. 2], умышленных поджогов (например, о поджоге мельницы [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 3, л. 32 об.]). Его деятельность строилась исключительно с опорой на некоторые традиционные примирительные практики. В их числе: материальные компенсации и круговая порука как основные меры ответственности за нарушение принципов социальной справедливости, а также клятвы, присяги и показания свидетелей в качестве форм доказательства виновности / невиновности ответчика. К настоящему времени эти практики подробно описаны в трудах кавказоведов [Албогачиева, 2011 а, с. 40—49; Ал-

богачиева, 2012, с. 142—208; Дауева, 2017; Сайдумов, 2014 а; Сайдумов, 2014 б] и дают богатый материал для исследования особенностей их применения в деятельности смешанного суда присяжных.

В числе основных институтов традиционной соционормативной культуры народов Центрального Кавказа в деятельности смешанных судов присяжных применялись материальные компенсации за правонарушения (в том числе «плата за кровь» при убийствах, плата за лечение раненого, возмещение фактически понесенного ущерба).

Взыскание «платы за кровь» с учетом специфики суда проходило по принципу круговой поруки с жителей села, до которого были «доведены» следы предполагаемых убийц. При этом судьями учитывался целый ряд обстоятельств. Во-первых, как отмечалось выше, она назначалась только тогда, когда личность преступника невозможно было установить. Во-вторых, следы с места преступления должны были «доведены» по всем правилам до конкретного населенного пункта. В-третьих, в числе основных доказательств рассматривались свидетельские показания и «очистительные» присяги. В-четвертых, большое внимание уделялось правилам фиксации всех следственных действий по установленной форме, в их числе — протоколы сельских старшин о правонарушении, протоколы их помощников о «принятии и ведении следов», удостоверения представителей сельской администрации по фактам, имеющим значение для принятия решения, показания участников процесса в суде и т. п.

При определении размера материальной компенсации судьями учитывалось семейное положение убитого, количество человек, бывших у него на иждивении и т. п. Например, в деле об убийстве ночного караульщика Зильгинского селения Б., разбираемом судом в конце августа 1908 года, указывалось, что у убитого «осталось трое малолетних детей, не имеющих способности к физическому труду, из коих самой старшей дочери 9 лет, две жены и старики отце и мать, которые нуждаются в средствах в пропитании, добывать кои они положительно не имеют сил» [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 7, л. 4]. Трудоспособность родственников потерпевшего доказывалась в суде на основании удостоверений сельского старшины [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 7, л. 13].

Итоговый размер материальной компенсации за убийство складывался из «цены крови», сумм, уплаченных «в прогоны и суточные» судьям, служителям культа, переводчикам и другим участникам процесса [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 7, л. 13]. В большинстве случаев по делам об убийствах и смертельных ранениях назначалась «цена крови» в размере 600 рублей [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 7, л. 13; ЦГА РСО-Алания,

ф. 117, оп. 1, д. 9, л. 51]. Эта сумма определялась со ссылкой на «примирительный протокол членов уполномоченных на примирение ингушей с осетинами», составленный в 1907 году до учреждения смешанного суда присяжных [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 9, л. 8], а также на п. 10 Протокола 1909 года [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 14, л. 13]. В нем отмечалось, что «за убитого, без различия пола и возраста, ингуша или осетина с виновного в убийстве в пользу семьи или родственников убитого взыскивается шестьсот рублей» [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 14, л. 13]. Иногда в сумму иска включалась и стоимость фактически понесенного в результате преступления ущерба. Например, в постановлении осетино-ингушского смешанного суда присяжных от 17 декабря 1908 года по делу убийстве жителя селения Ольгинского Д. было решено «взыскать с общества сел[ения] Долакова, куда были выведены следы злоумышленников, убивших и ограбивших Д-ва, в пользу семьи убитого, согласно п. 10 протокола уполномоченных от Осетинского и Ингушского народов 600 р. за ограбленные у него лошадь, деньги и вещи — 555 р. 10 к., судьям в прогон и суточные 8 р. 75 к., священнику, мулле с. Тулатово и переводчику по одному р. каждому, а всего одну тысячу сто шестьдесят шесть р. 85 к.» [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 10, л. 46].

«Плата за лечение раненого» также включала в себя покрытие всех расходов, которые были понесены потерпевшей стороной. Случалось, что в эту сумму включались и расходы на лечение потерпевшего «в больнице и больничный сбор» [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 5, л. 6]. Примечательно, что в материалах дел в качестве документа, определявшего тяжесть причиненного ранения и степень утраты трудоспособности раненым, встречаются медицинские свидетельства, составляемые специалистами в медицинских учреждениях. В свидетельстве помещалось описание причиненной раны и оценка степени утраты трудоспособности [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 5, л. 105]. В общую сумму могли включаться и расходы, понесенные во время розыска преступников, средства, затраченные на примирительные уговоры и т. п. Причем при определении этой суммы сословная принадлежность и социальный статус потерпевшего не учитывались.

Аналогично сумма иска по делам о кражах складывалась из стоимости украденного имущества и других фактически понесенных потерпевшей стороной расходов. Это устанавливалось в п. 9 Протокола 1909 года. В нем было зафиксировано, что «за кражи скота и лошадей, кроме вознаграждения, согласно определению смешанного суда, по стоимости ограбленного или украденного, суд должен принять во внимание те действительные убытки, которые понес потерпевший с момента кражи по день суда» [ЦГА РСО-

Алания. ф. 117, оп. 1, д. 14, л. 13 об.]. Например, по делу о краже 5 лошадей у жителя селения Экажевского Т-ва (1909), смешанный суд присяжных «постановил взыскать с Ольгинского общества за 5 лошадей — 460 руб., за украденную уздечку — 15 руб., в возмещение убытков — 69 руб., мулле и переводчику — 2 руб.» [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 16, л. 32]. По делу о краже 6 лошадей у жителя селения Базоркинского Б. в 1909 году суд постановил «взыскать с общества сел[ения] Ольгинского в пользу Б-ва 6 лошадей на 600 рублей, в возмещение убытков 60 рублей, мулле и переводчику Ч-ву по одному р. каждому, а всего шестьсот шестьдесят два рубля» [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 21, л. 22]. Положение 1894 года регламентировало порядок взимания материальной компенсации в случае финансовой несостоятельности ответчика. Тогда к «уплате присужденного вознаграждения привлекаются ближайшие родственники осужденного мужского пола до третьего колена включительно, оседло проживающие с ним в одном селении...» [Между централизмом ..., 2014, с. 167].

Источником уплаты материальных компенсаций были общественные суммы (народные или штрафные кассы). Протокол 1909 года устанавливал порядок их формирования и пополнения [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 14, л. 12]. У осетин «народная касса» пополнялась путем сбора средств с населения, проживавшего на подведомственной суду территории (не менее одного рубля «с дыма») [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 14, л. 12]. Касса должна была пополняться таким образом, чтобы «вознаграждение потерпевшим выдавалось из нее не позже 7 дней со дня постановления о том смешанного суда присяжных» [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 14, л. 12]. У ингушей для этой цели служила касса, учрежденная на ингушко-казачьем съезде 25 июня 1906 года [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 14, л. 12]. После уплаты компенсации за преступление кассы подлежали пополнению за счет средств и имущества предполагаемых преступников или жителей селений, внесенных в списки «порочных», и членов их семей. При этом применялось правило, по которому в случае несостоятельности семей предполагаемых правонарушителей касса пополнялась «у ингушей — взысканием с родственников виновных до третьего колена включительно по мужской линии; у осетин — с имущества семьи, затем членов его фамилии, живущим в одном с ним селении» [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 14, л. 12]. Если же и родственники виновных окажутся несостоятельными, то касса пополнялась обществом того селения, к которому принадлежали виновные. Если же и таковых не было, то она пополнялась за счет средств общества того селения, до которого были «дovedены следы» преступления [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 14, л. 13].

К концу XIX — началу XX веков одним из последствий инкорпорации народов Центрального Кавказа в политико-правовое пространство Российской империи стала необходимость регламентирования порядка применения некоторых их традиционных институтов решения споров и конфликтов в правоприменительной практике. В их числе, например, основания наложения наказаний по принципу круговой поруки и правила «ведения следов» с места преступления, которые широко применялись в деятельности смешанного суда присяжных в 1908—1910 годах. Правила их применения содержатся в Положении 1894 года [Между централизмом ..., 2014, с. 162—168]. Это положение нашло широкое применение в деятельности осетино-ингушского смешанного суда и на стадии досудебного проведения следственных мероприятий. Положение было утверждено командующим войсками Кавказского военного округа генералом-лейтенантом С. А. Шереметевым 1-м, однако установить механизмы формирования содержащихся в нем норм на данный момент не представляется возможным. Примечательно, что положение устанавливало порядок привлечения к ответственности «подозрительных и порочных» жителей области по тем правонарушениям (убийство, поранение, грабеж, разбой, угон открытой силой или похищение у них лошадей и скота [Между централизмом..., 2014, с. 163] и т. п.), по которым невозможно было установить личность преступника.

Положение устанавливало целый ряд правил проведения следственных мероприятий. «Следы» предполагаемых преступников или похищенного скота должны быть доведены до конкретного селения «не далее одной версты от его околицы» последнего домовладения [Между централизмом ..., 2014, с. 163]. Лишь в этом случае наказание налагалось на общество именно этого населенного пункта. Если же «следы терялись» на расстоянии более версты, то наказанию подлежали представители всех сельских обществ, через надель которых они «были проведены» с места преступления.

Положение 1894 года содержало и правила отслеживания и «ведения следов» с места преступления. Обязанность «ведения следов» возлагалась на представителей администрации населенного пункта, через подведомственную территорию которого они и проходили. Начало «ведения следов» считалось действительным, если при их обнаружении присутствовали представители сельского правления, полицейские, потерпевшие и, как минимум, два понятых. Например, на основании материалов рапорта старшины Долаковского сельского правления 1-го участка Назрановского округа Терской области председателю осетино-ингушского смешан-

ного суда от 9 октября 1908 года [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 7, л. 9—9 об.] видно, что в «отыскании следов» по делу о краже двух лошадей принимали участие непосредственно сам сельский старшина, 3 караульщика, помощники старшин селений Зильги и Заманкул со «следоводителями», милиционеры и казаки [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 7, л. 9—9 об.]. Все действия оформлялись протоколами, которые впоследствии передавались в смешанный суд. Регламентировалась и процедура передачи следов уполномоченным представителям соседнего населенного пункта, что также оформлялось составлением протокола. Принимавший следы имел право требовать от передававших указать весь путь «их ведения» и был обязан отслеживать их на подведомственной ему территории [Между централизмом ..., 2014, с. 164]. Такой порядок мог применяться ровно столько, сколько было возможно «вести» следы лошадей преступников или украденного скота с места преступления.

Вопросы, связанные с правильностью и законностью «ведения следов», и споры, возникавшие на этой почве, относились к подведомственности участкового начальства. Причем участковые начальники могли как лично проверять правильность «ведения следов», так и предложить дать присягу «следоводителям» по этому факту.

Если ответственность возлагалась на представителей одного или нескольких населенных пунктов по принципу круговой поруки, то она распределялась в равной мере на каждого жителя. Положение 1894 года устанавливало и круг лиц, которые не подлежали ответственности по принципу круговой поруки. В этот перечень попадали «вдовы, малолетние, сироты, офицеры полиции и служащие в постоянной Терской милиции, если только в составе семейств этих лиц нет других взрослых членов мужского пола, т. к. старше 17 лет» [Между централизмом ..., 2014, с. 166].

В числе основных форм доказывания, основанных на традиционных институтах правосудия осетин и ингушей, были различные клятвы. Однако здесь клятвенное общение оформлялось в письменном виде, скреплялась подписями присутствовавших (служителя культа, присягающего, должностных лиц и т. п.) и приобщалась к материалам дела [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 5, л. 81]. За опрвление обряда приведения к клятвенному обещанию и его составление в письменном виде служителю культа назначалось вознаграждение, как правило, в размере 1 руб. В большинстве случаев эта стоимость также включалась в итоговую сумму иска [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 5, л. 112]. Сохранялись и применявшиеся ранее у осетин и ингушей формы принесения «очистительных присяг» как доказательство невинности подозреваемых в смешанном суде присяж-

ных. В Положении 1894 года было установлено, что «не очистившие себя присягою обязаны удовлетворить потерпевшего... и сверх того подвергаются взысканию штрафа в размере 25 рублей» [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, д. 5, л. 112]. Принятие присяги регламентировалось и Положением 1909 года. П. 23 устанавливал, что «смешанному суду предоставляется право во всех случаях, когда он найдет нужным особенно в вопросах о следах, прибегать к обычной очистительной или уличительной присяге с присяжниками» [ЦГА РСО-Алания, ф. 117, оп. 1, л. 14, л. 14 об.]. Клятвенное обещание давалось по канонам той религии, к которой принадлежал клятводатель. Ритуал принесения клятвы проводил служитель культа (священник или эфенди) того селения, в котором проживал присягающий.

Все народно-примирительные суды, в том числе и осетино-ингушский смешанный суд присяжных, были упразднены решением начальника Терской области 20 апреля 1910 года.

4. Заключение

Таким образом, осетино-ингушский смешанный суд присяжных (1908—1910) был учрежден в рамках мероприятий, направленных на создание примирительных судов в Терской области для решения межэтнических конфликтов и правонарушений, по которым невозможно было установить личность виновного. Его деятельность основывалась на применении институтов соционормативной культуры осетин и ингушей. Рецепция обычаев и традиций в условиях инкорпорации коренного населения области в политико-правовое пространство Российской империи и установления контроля государства за деятельностью народных судов создавало основу для сохранения и модернизации традиционных миротворческих практик. Институционализация обычаев и традиций путем закрепления народной воли в российских нормативных актах, регламентировавших деятельность смешанного суда, с одной стороны, сохраняла функциональную значимость традиционных форм решения споров и конфликтов, с другой — закладывала основу для формирования в последующем российского гражданского самосознания.

Источники и принятые сокращения

1. ЦГА РСО-Алания — *Центральный* государственный архив Республики Северная Осетия — Алания.

Литература

1. Абазов А. Х. Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII — начале XX в. / А. Х. Абазов. — Нальчик : Печатный двор, 2016. — 264 с.

2. *Абазов А. Х.* Смешанные суды присяжных в Терской области в 1908—1910 гг. : из истории интеграции народов Центрального Кавказа в правовое пространство Российской империи / А. Х. Абазов, М. В. Дышков // Сборник материалов I международного конгресса «Пространство этноса в современном мире». (г. Грозный, 29—31 октября 2014 г.). — Грозный : Чеченский гос. ун-т, 2014. — С. 34—37.

3. *Албогачиева М. С.-Г.* Функционирование в Ингушетии трехзвенного суда: адатного, шариатского и российского (XIX в.) / М. С.-Г. Албогачиева // Лавровский сборник : этнология, история, археология, культурология : материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений 2008—2009 г.: к столетию со дня рождения Л. И. Лаврова. — Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2009. — С. 114—118.

4. *Албогачиева М.С.-Г.* Примирительные комиссии в Ингушетии : история и современность / М. С.-Г. Албогачиева // Вестник восстановительной юстиции. — 2011. — № 8. — С. 40—49.

5. *Албогачиева М. С.-Г.* Этнография и история ингушского народа в письменных источниках конца XVIII — первой трети XX в. / М. С.-Г. Албогачиева. — Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2011. — 180 с.

6. *Албогачиева М. С.-Г.* Особенности взаимодействия российской судебной правовой системы и традиционных правовых институтов ингушского общества (XIX—XXI вв.) / М. С.-Г. Албогачиева // Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа. — Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2012. — С. 142—208.

7. *Арсанукаева М. С.* Горско-казачьи суды в Чечне и Ингушетии (начало XX в.) / М. С. Арсанукаева // Юридический мир. — 2009. — № 7. — С. 76—80.

8. *Даева Т. Т.* Конфликты и миротворческие практики в осетинском обществе (конец XVIII — начало XX в.). — Владикавказ : СОИГСИ, 2017. — 226 с.

9. *Калмыков Ж. А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII — начало XX в.) / Ж. А. Калмыков. — Нальчик : Эль-Фа, 2007. — 232 с.

10. *Между централизмом и регионализмом: административные преобразования на Центральном Кавказе в 70-х гг. XIX — начале XX в.* : сборник документов — Владикавказ : СОИГСИ, 2014. — 225 с.

11. *Осетино-Ингушский смешанный суд присяжных (1908—1910) : место в судебной системе Терской области и особенности правоприменительной практики* / А. Х. Абазов, К. Ф. Дзамихов, Б. М. Зумакулов, Т. С. Цолоев // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2017. — № 4 (209). — С. 16—24.

12. *Прасолов Д. Н.* Развитие местного самоуправления у кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX — начале XX в. / Д. Н. Прасолов. — Нальчик : Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. — 136 с.

13. *Прасолов Д. Н.* Съезды (сборы) доверенных в интеграционных процессах у народов Терской области во второй половине XIX — начале XX в. / Д. Н. Пра-

слов // Вестник Академии наук Чеченской Республики. — 2018. — № 4 (41). — С. 61—65.

14. *Сайдумов Д. Х.* Инкорпорация норм права чеченцев и ингушей в законодательство и имперскую юстицию России : некоторые эпизоды развития права и правосудия в Терской области / Д. Х. Сайдумов // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 3 (70). — С. 123—125.

15. *Сайдумов Д. Х.* Суд, право и правосудие у чеченцев и ингушей (XVIII—XX вв.) / Д. Х. Сайдумов. — Грозный : КНИИ РАН, 2014. — 526 с.

16. *Ткачев Г. А.* Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области / Г. А. Ткачев. — Владикавказ : Электротпечатная типография Терского областного правления, 1911. — 156 с.

Ossetian-Ingush Mixed Jury Trial: Institutionalization of People's Justice in Political and Legal Space of the Russian Empire

© **Abazov Aleksey Khasanovich (2019)**, orcid.org/0000-0003-4004-7009, SPIN-code 8002-5155, Doctor of History, senior research scientist, Institute for Humanities — branch of Federal Research Centre “Kabardino-Balkar Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences” (Nalchik, Russia), alex_abazov@list.ru.

© **Zhirov Ruslan Mikhaylovich (2019)**, orcid.org/0000-0002-8384-0747, SPIN-code 4478-8664, PhD in Law, associate professor, Head of Department of Criminal Law and Criminology, Institute of Law, Economics and Finance, Kabardino-Balkar State University named after Kh. M. Berbekov (Nalchik, Russia), dzhir-ruslan@mail.ru.

© **Zhugov Azamat Askerovich (2019)**, orcid.org/0000-0003-3333-3963, SPIN-code 8620-4421, PhD in Law, associate professor, associate professor of Department of Labour and Business Law, Institute of Law, Economics and Finance, Kabardino-Balkar State University named after Kh. M. Berbekov (Nalchik, Russia), zhugov@mail.ru.

The article analyzes the features of the institutionalization of the national justice of Ossetians and Ingush in the conditions of their incorporation into the political and legal space of the Russian Empire on the example of a mixed jury, which existed in 1908—1910. The place of a mixed jury trial in the judicial system of the Terek region in the early 20th century, in which both formal (state) and informal (people's) institutions functioned, is considered. Such traditional institutions of socio-normative culture of the Ossetians and the Ingush applied in judicial practice, as compensation for the murder (“payment for blood”), infliction of wounds and injuries, theft, are described. Mutual responsibility as the main measure of responsibility for violation of the principles of social justice, as well as the oath and testimony of witnesses as a form of proof of guilt / innocence of the defendant are analysed in details. The principles of formation and replenishment of people's cash registers, from which material compensation was paid to the injured party by the decision of the mixed court, were studied. It is concluded that the reception of the customs and traditions of Ossetians and Ingush by consolidating their people's will in the Russian legal acts regulating the activities of the mixed court, retained the

functional importance of national justice and laid the foundation for the formation of the subsequent Russian civil consciousness.

Key words: Russian Empire; Terek region; Ossetians; Ingush; people's justice; judicial system; mixed jury trial; customary law; social norms; traditional public institutions.

Material resources

TsGA RSO-Alaniya — *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya — Alaniya*. (In Russ.).

References

- Abazov, A. Kh., Dyshekov, M. V. (2014) Smeshannyye sudy prisyazhnykh v Terskoy oblasti v 1908—1910 g.: iz istorii integratsii narodov Tsentralnogo Kavkaza v pravovoye prostranstvo Rossiyskoy imperii. In: *Sbornik materialov I mezhdunarodnogo kongressa Prostranstvo etnosa v sovremennom mire*. Groznyy: Chechenskiy gos. un-t. 34—37. (In Russ.).
- Abazov, A. Kh., Dзамikhov, K. F., Zumakulov, B. M., Tsoloev, T. S. (2017). Osetino-Ingushskiy smeshannyy sud prisyazhnykh (1908—1910): mesto v sudebnoy sisteme Terskoy oblasti i osobennosti pravoprimeritelnoy praktiki. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya*, 4 (2019): 16—24. (In Russ.).
- Abazov, A. Kh. (2016). *Narody Tsentralnogo Kavkaza v sudebnoy sisteme Rossiyskoy imperii v kontse XVIII — nachale XX v.* Nalchik: Pechatnyy dvor. (In Russ.).
- Albogachieva, M. S.-G. (2009). Funktsionirovaniye v Ingushetii trekhzvennogo suda: adatnogo, shariatskogo i rossiyskogo (XIX v.). In: *Lavrovskiy sbornik. Etnologiya, istoriya, arkeologiya, kulturologiya: materialy XXXIII Sredneaziatsko-Kavkazskikh chteniy 2008—2009 g.: k stoletiyu so dnya rozhdeniya L. I. Lavrova*. Sankt-Peterburg: MAE RAN. 114—118. (In Russ.).
- Albogachieva, M. S.-G. (2011). *Etnografiya i istoriya ingushskogo naroda v pismennykh istochnikakh kontsa XVIII — pervoy trety XX v.* Sankt-Peterburg: MAE RAN. (In Russ.).
- Albogachieva, M. S.-G. (2011). Primiritelnyye komissii v Ingushetii: istoriya i sovremennost'. *Vestnik vosstanovitelnoy yustitsii*, 8: 40—49. (In Russ.).
- Albogachieva, M. S.-G. (2012). Osobennosti vzaimodeystviya rossiyskoy sudebno-pravovoy sistemy i traditsionnykh pravovykh institutov ingushskogo obshchestva (XIX—XXI vv.). In: *Obshchestvo kak obyekt i subyekt vlasti. Ocherki politicheskoy antropologii Kavkaza*. Sankt-Peterburg: Peterburgskoye vostokovedeniye. 142—208. (In Russ.).
- Arsanukaeva, M. S. (2009). Gorsko-kazachyi sudy v Chechne i Ingushetii (nachalo XX v.). *Yuridicheskyy mir*, 7: 76—80. (In Russ.).
- Daueva, T. T. (2017). *Konflikty i mirovorcheskiye praktiki v osetinskom obshchestve (konets XVIII — nachalo XX v.)*. Vladikavkaz: SOIGSI. (In Russ.).

- Kalmykov, Zh. A. (2007). *Integratsiya Kabardy i Balkarii v obshcherossiyskuyu sistemu upravleniya (vtoraya polovina XVIII — nachalo XX v.)*. Nalchik: El-Fa. (In Russ.).
- Mezhdutsecentralizmom i regionalizmom: administrativnyye preobrazovaniya na Tsentralnom Kavkaze v 70-kh gg. XIX — nachale XX v.* (2014). Vladikavkaz: SOIGSI. (In Russ.).
- Prasolov, D. N. (2017). *Razvitiye mestnogo samoupravleniya u kabardintsev i balkartsev vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v.* Nalchik: IGI KBNTs RAN. (In Russ.).
- Prasolov, D. N. (2018). Syezdy (sbory) doverennykh v integratsionnykh protsessakh u narodov Terskoy oblasti vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoy Respubliki*, 4 (41): 61—65. (In Russ.).
- Saydumov, D. Kh. (2014). Inkorporatsiya norm prava chechentsev i ingushey v zakonodatelstvo i impereskuyu yustitsiyu Rossii: nekotoryye epizody razvitiya prava i pravosudiya v Terskoy oblasti. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 3 (70): 123—125. (In Russ.).
- Saydumov, D. Kh. (2014). *Sud, pravo i pravosudie u chechentsev i ingushey (XVIII—XX vv.)*. Groznyy: KNII RAN. (In Russ.).
- Tkachev, G. A. (1911). *Ingushi i chechentsy v semye narodnostey Terskoy oblasti*. Vladikavkaz: Elektropech. tip. Terskogo oblastnogo pravleniya. (In Russ.).